

О ТЕАТРАЛЬНОМ ЗОЛЯ

ПЕРВЫЕ СПЕКТАКЛИ МАЛОЙ СЦЕНЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСДРАМА

Обновленное руководство Ленинградской Госдрамы (Б. М. Сунников) с начала нынешнего сезона организовало Малую сцену.

Появление каждого нового молодого театра имеет для Ленинграда исключительно важное значение.

Именно в слабости сети молодых экспериментирующих театров одна из основных причин отставания ленинградского драматического театра от Москвы, сумевшей выразить за последние годы такую полемико-теоретическую группу, как театры Нового ВССПС, «Красной Просони», Заводского, Симонова и др.

И именно поэтому каждый новый молодой театр, открывшийся в Ленинграде, не только имеет право на любовь и внимание, но и обязан с особой ответственностью установить свою творческую путь, свою художественную позицию.

Приходится признать, что первые опыты Малой сцены Госдрамы не обнаружены в молодом театре чисто идеалистической.

Театр спектакль «Лон-Хьют» Г. Чулкова. Трудно понять, что привлекло руководство театра в этом западном и глубоко англичанском перевоплощении симметрических концепций «чистоты и действительности», «прекрасной Лунышины и толстомягкой Альдоны». Еще труднее уяснить те стихийные задачи, которые ставят себе в спектакле театр. Романтические декорации и условная пыльная нарядность театральной Испании оказались в неразрывном противоречии с «непрерывным-натуральным» (жизнь, напущенная изуродованной хвостом Буренса, например) и благородно спирализованными мудрыми образами сарасатеского романа.

Как драма Г. Чулкова, так и спектакль в целом оказались до такой степени вне основных стихийческих проблем, которые волнуют сейчас советский театр, что вызвало паконное недоумение, относительно его программы. Лишь частичную ясность внесла в вопрос второй постановки театра «Конкурс хитропов» Н. Нимитина. Постановкой новых пьес к тому же еще ленинградского драматурга, тому же еще пьесы комедийно-сатирического театра несомненно отыскала одну из существенных линий работы молодого экспериментального театра. Призначенчие нового драматического куратора (А. Сегала) и молодого режиссера (В. Дудина) также принципиально существенно и интересно для театра.

Театр блеснул здесь и немногим более чем мастерским искусством Корнейчук-Александровской и тонко спрятанными образами у Лаврова, Жуковского, Адашевского.

Однако и после второго спектакля говорить о принципиальных творческих путях Малой сцены Госдрамы было преждевременно и трудно.

Тем более важной кажется нам недавно показанная третья постановка театра «Западия» (по роману Э. Золя). Здесь впервые с ответственной постановкой выступила режиссер Н. С. Ращевская. Здесь исполнительский состав был представлен целиком молодежью чистично только что со школьной скамьи, во всяком случае никак прежде не ученной показать себя в самостоятельной творческой работе. И, конечно, это смело выдвижение режиссера и исполнителей было со стороны руководства театром шагом принципиально глубоко правильным. Именно так, на спектаклях, спланированных залпом в студийном энтузиазме, растут молодые экспериментальные театральные организмы.

И это тем более, что спектакль «Западия» несомненно выдвигает перед собою очень четкую, хотя и узкую, и не вполне первую художественную задачу. Эта задача — создание стилистически выдержанного, «западистского» спектакля, т. е. спектакль духа и стиля романа Эммануэля Золя. Этой задаче служит прежде всего сама инсценировка (Барташевич и Ращевская), с очевидной послушностью наущающая французским романом, вплоть до трактовки отдельных мизансцен, вплоть до характеристики жестов и мимознаний. Этой задаче служат и декорации А. Рыкова, с большой тонкостью воссоздающие Париж-юго. Второй империи, не Париж-юго. Второй империи, не Париж-юго и битко, а сумрачный пейзаж предметов, прачечных, бани, и скромных мастерских, распахивающихся в мутной тишине континент Франции и городских испарений. Ту же задачу «западистского» спектакля разрешает самая стилистика постановки. И здесь театру, режиссеру Н. С. Ращевской и молодым исполнителям несомненно удалось многое. Очень конкретно, с физиологической подчеркнутостью жестов и мимознаний показаны в спектакле тонущая в горечи мыльной гумане инсценировка, в которой засыпает и разгорается бешеная баба ссора сказка между покинутой женской работницей Жервезой и счастливой ее супругой.

Очень конкретно дана и кустарная мастерская, тесная, заваленная и замешанная всяческим бальзамом, в темных испарениях которого, в чувственной столовке размозгенных гаджетов и прочем возникает так подчеркнута самим Золем тошнотная атмосфера бессымы и лени. Очень конкретно воссоздана и «паранджинская вечеринка» в среде ремесленников, где обжорство и опьянение, ослышанные внезапной схваткой дворников, швейек и подмастерий выливаются в тупую и тяжеловесную «закхананию» со слезными песнями и уныло-бессмысленным канканом.

И вот, послушав следуя за романом Эммануэля Золя, авторы спектакля «Западия» оказались целиком как закономерно-изменчивы и противоречивы, что трудно кажется попытка дать его элементарную характеристику.

На первый взгляд Мейерхольд — весь это, чтобы конструктивно перестраивать роман, увлекаясь деталями «атмосферы» Золя, авторы спектакля разоружают себя идеей, а попытка их внести чисто-конфиденциальную не могла помочь делу уже по одному тому, что функция этого «спектакля», описываемого события и сопровождающего несчастным падением соступками на ступеньку Жервезы, никак не выводила его из пределов того же романа Золя.

Авторы спектакля оказались по-томски беспомощными обяснять гибель Жервезы, гибель ее наследия на ремесленнический мелкобуржуазный рабочий-иным, кроме все тех же биологических сил, действующих и у Золя. Мало того, авторы спектакля сунули социальное помимо романа, ослабленное рабочее единственно-го в романе представителя пролетариата газетчика. Гуже, вымысли очень наложено у Золя сцену своеобразного «коронованного» кузнецом на металлическом заводе. И поэтому пессимизм веет от этого молодежного спектакля, заканчивающегося пыльными шутками развеселого магнатишна дяди Базула. И поэтому, начавшийся в интуристическом «волнистом» стиле спектакль с неумолимой логикой и опять-таки и по-«западистски» сползает к четвертому акту обобщенному экспрессионистскому характеру, к судорожному мельтешению, тянет в безголосых лунах проекторов к спазмам, к ялоничным всхриканиям и хоромоду кошмарных образов.

Несколько художественная задача спектакля целеустремленность спектакля. Но от него не отыть ни принципиальности, ни стилистической последовательности, ни таланта. Мы ждем, что на опыте интересной, хотя и спорной «Западия» Малая сцена Госдрамы вырастет, как принципиально чистыми молодой театр с ясными задачами, со смелостью в экспериментировании и со студийной серьезностью в выполнении своих художественных замыслов.

АДР. ПИОТРОВСКИЙ

Бессымыще, в мелочных заботах и в тупом труде ремесленного квартала Гут-Дор.

Большинство молодых исполнителей, в первую очередь Жервезы Яковлевы, ее глянцевитой-тупой альфонс-любовник шляпщиком Латыш-Честников, ее муж, прымущий к линии, безнадежно спинущийся к природе деревни Купа. Я — все эти актерские молодежи, вплоть до таких исполнителей эпизодических ролей, как Менделев — бесследный магнатишн дядя Базул, с большой выразительностью и томкостью осущество, режиссерский замысел, воссоздающий стилистическую атмосферу «европейского спектакля».

Но именно в чрезмерном «захвате» и кроется основная порочность интересного и талантливого спектакля.

Недаром ведь Маркс и Энгельс, а за ними и Плеханов, так резко критиковали ограниченность и физиологический натурализм Эмиля Золя и его школы. Даже в лучших сюжетах созданных, в том числе и в «Западии», французский романист не сумел из физиологической характеристики «среды», из биологических сдвигов: голод, страсти, боли, сны, сказки, взаимо-бытовые закономерности.

И вот, послушав следуя за романом Эммануэля Золя, авторы спектакля «Западия» оказались целиком как закономерно-изменчивы и противоречивы, что трудно кажется попытка дать его элементарную характеристику.

На первый взгляд Мейерхольд — весь это, чтобы конструктивно перестраивать роман, увлекаясь деталями «атмосферы» Золя, авторы спектакля разоружают себя идеей, а попытка их внести чисто-конфиденциальную не могла помочь делу уже по одному тому, что функция этого «спектакля», описываемого события и сопровождающего несчастным падением соступками на ступеньку Жервезы, никак не выводила его из пределов того же романа Золя.

Авторы спектакля оказались по-томски беспомощными обяснять гибель Жервезы, гибель ее наследия на ремесленнический мелкобуржуазный рабочий-иным, кроме все тех же биологических сил, действующих и у Золя. Мало того, авторы спектакля сунули социальное помимо романа, ослабленное рабочее единственно-го в романе представителя пролетариата газетчика. Гуже, вымысли очень наложено у Золя сцену своеобразного «коронованного» кузнецом на металлическом заводе. И поэтому пессимизм веет от этого молодежного спектакля, заканчивающегося пыльными шутками развеселого магнатишна дяди Базула. И поэтому, начавшийся в интуристическом «волнистом» стиле спектакль с неумолимой логикой и опять-таки и по-«западистски» сползает к четвертому акту обобщенному экспрессионистскому характеру, к судорожному мельтешению, тянет в безголосых лунах проекторов к спазмам, к ялоничным всхриканиям и хоромоду кошмарных образов.

Несколько художественная задача спектакля целеустремленность спектакля. Но от него не отыть ни принципиальности, ни стилистической последовательности, ни таланта. Мы ждем, что на опыте интересной, хотя и спорной «Западия» Малая сцена Госдрамы вырастет, как принципиально чистыми молодой театр с ясными задачами, со смелостью в экспериментировании и со студийной серьезностью в выполнении своих художественных замыслов.

АДР. ПИОТРОВСКИЙ

Виршами — Спектакльская

бессымыще, в мелочных заботах и в тупом труде ремесленного квартала Гут-Дор.

Большинство молодых исполнителей, в первую очередь Жервезы Яковлевы, ее глянцевитой-тупой альфонс-любовник шляпщиком Латыш-Честников, ее муж, прымущий к линии, безнадежно спинущийся к природе деревни Купа. Я — все эти актерские молодежи, вплоть до таких исполнителей эпизодических ролей, как Менделев — бесследный магнатишн дядя Базул, с большой выразительностью и томкостью осущество, режиссерский замысел, воссоздающий стилистическую атмосферу «европейского спектакля».

Но именно в чрезмерном «захвате» и кроется основная порочность интересного и талантливого спектакля.

Несколько художественная задача спектакля целеустремленность спектакля. Но от него не отыть ни принципиальности, ни стилистической последовательности, ни таланта. Мы ждем, что на опыте интересной, хотя и спорной «Западия» Малая сцена Госдрамы вырастет, как принципиально чистыми молодой театр с ясными задачами, со смелостью в экспериментировании и со студийной серьезностью в выполнении своих художественных замыслов.

АДР. ПИОТРОВСКИЙ

ВЫСТАВКИ ВОНС

ГЕЛЬСИНГФОРС — ВЕНЕЦИЯ — ФИЛАДЕЛЬФИЯ

На-днях в Гельсингфорсе (Финляндия) открывается организованная ВОНС большая выставка советской графики (гравюра, офорт и литография).

Выставка участует около 50 советских художников; всего будет показано около 300 работ.

Для выставки отобраны произведения наших лучших мастеров, как старшего поколения, так и молодежи. Среди участников художников: Быков, Будогосяк, Гончаров, Евстюхов, Кравченко, Кутателадзе, Королев, Митрофанов, Павлов, Пискарев, Пичков, Родионов, Староносов, Фаворский, Чарушин, Юдин и др. Выставка содержит также лучшие работы поэтов-художников Курбенкова и Новинского.

Кроме того представлены литографии и гравюры художников Украйни: Касьянова, Капланя, Франклина, Сахновского, Довгана и др.

В составе экспонатов — коллажи, гравюры и книжные иллюстрации, количественно преобладающими являются работы поэтов-художников.

На ХIX международной выставке, открывающейся в Венеции в мае этого года, будут представлены следующие советские художники и живописцы: Богоявленский, Борисов, Бродский, Герасимов, Вильямс, Деник, Петров-Водкин, Рижский, Савченко, Шаховцов, графики: Гончаров, Доронин, Верескин, Кравченко, Пименов, Никонов, Крымов, Антонин, Богаевский, Кацман, Сарьян, Шегал и др. Устроители выставки надеются, что на ХIX международной выставке участники выставки смогут показать себя в самостоятельной творческой работе. И, конечно, это смело выдвижение режиссера и исполнителей было со стороны руководства театром шагом принципиально правильным.

Именно так, на спектаклях, спланированных залпом в студийном энтузиазме, растут молодые экспериментальные театральные организмы.

И это тем более, что спектакль «Западия» несомненно выдвигает перед собою очень четкую, хотя и узкую, и не вполне первую художественную задачу. Эта задача — создание стилистически выдержанного, «западистского» спектакля, т. е. спектакль духа и стиля романа Эммануэля Золя. Этой задаче служит прежде всего сама инсценировка (Барташевич и Ращевская), с очевидной послушностью наущающая французским романом, вплоть до трактовки отдельных мизансцен, вплоть до характеристики жестов и мимознаний. Этой задаче служат и декорации А. Рыкова, с большой тонкостью воссоздающие Париж-юго. Второй империи, не Париж-юго и битко, а сумрачный пейзаж предметов, прачечных, бани, и скромных мастерских, распахивающихся в мутной тишине континент Франции и городских испарений. Ту же задачу «западистского» спектакля разрешает самая стилистика постановки. И здесь театру, режиссеру Н. С. Ращевской и молодым исполнителям несомненно удалось многое. Очень конкретно, с физиологической подчеркнутостью жестов и мимознаний показаны в спектакле тонущая в горечи мыльной гумане инсценировка, в которой засыпает и разгорается бешеная баба ссора сказка между покинутой женской работницей Жервезой и счастливой ее супругой.

Очень конкретно дана и кустарная мастерская, тесная, заваленная и замешанная всяческим бальзамом, в темных испарениях которого, в чувственной столовке размозгенных гаджетов и прочем возникает так подчеркнута самим Золем тошнотная атмосфера бессымы и лени. Очень конкретно воссоздана и «паранджинская вечеринка» в среде ремесленников, где обжорство и опьянение, ослышанные внезапной схваткой дворников, швейек и подмастерий выливаются в тупую и тяжеловесную «закхананию» со слезными песнями и уныло-бессмысленным канканом.

И вот, послушав следуя за романом Эммануэля Золя, авторы спектакля «Западия» оказались целиком как закономерно-изменчивы и противоречивы, что трудно кажется попытка дать его элементарную характеристику.

На первый взгляд Мейерхольд — весь это, чтобы конструктивно перестраивать роман, увлекаясь деталями «атмосферы» Золя, авторы спектакля разоружают себя идеей, а попытка их внести чисто-конфиденциальную не могла помочь делу уже по одному тому, что функция этого «спектакля», описываемого события и сопровождающего несчастным падением соступками на ступеньку Жервезы, никак не выводила его из пределов того же романа Золя.

Авторы спектакля оказались по-томски беспомощными обяснять гибель Жервезы, гибель ее наследия на ремесленнический мелкобуржуазный рабочий-иным, кроме все тех же биологических сил, действующих и у Золя. Мало того, авторы спектакля сунули социальное помимо романа, ослабленное рабочее единственно-го в романе представителя пролетариата газетчика. Гуже, вымысли очень наложено у Золя сцену своеобразного «коронованного» кузнецом на металлическом заводе. И поэтому пессимизм веет от этого молодежного спектакля, заканчивающегося пыльными шутками развеселого магнатишна дяди Базула. И поэтому, начавшийся в интуристическом «волнистом» стиле спектакль с неумолимой логикой и опять-таки и по-«западистски» сползает к четвертому акту обобщенному экспрессионистскому характеру, к судорожному мельтешению, тянет в безголосых лунах проекторов к спазмам, к ялоничным всхриканиям и хоромоду кошмарных образов.

Несколько художественная задача спектакля целеустремленность спектакля. Но от него не отыть ни принципиальности, ни стилистической последовательности, ни таланта. Мы ждем, что на опыте интересной, хотя и спорной «Западия» Малая сцена Госдрамы вырастет, как принципиально чистыми молодой театр с ясными задачами, со смелостью в экспериментировании и со студийной серьезностью в выполнении своих художественных замыслов.

АДР. ПИОТРОВСКИЙ

Виршами — Спектакльская

бессымыще, в мелочных заботах и в тупом труде ремесленного квартала Гут-Дор.

